

ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА

Евгений Ушан

Посвящается Эрлену Бейлису

Жизнь конечна —
 Всё на свете тленно.
 Годы тают, словно снег в горсти.
 Ох, как не хватает нам Эрлена,
 Так внезапно, Господи прости!

Бил в десятку, точен был в деталях
 Не лукавил, если стих был плох.
 Возмущались многие, роптали —
 Мол, не след искать в шедеврах блох.
 А сейчас нам море по колено,
 Мир и дружба —
 Светский политес.
 Гоним лажу — нет на нас Эрлена,
 Кто-то пишет в рифму, кто-то без.

Срок придет и я уйду далече —
 Жизнь у всех висит на волоске.
 Но я верю, что Эрлена встречу
 В призрачном небесном кабачке.
 Мы друг другу, пожелав «лехаим»,
 Почитаем новые стихи.
 И за ценный вклад в культуру Рая
 Нам Господь отпустит все грехи.
 2019

Владислав Китик

Зеленой Лампе

Словно дальний свет маяка
 Отовсюду она видна:
 Не зеленая, как тоска,
 А зеленая, как весна.
 На углу Базарная-стрит
 Кратким спичем она вас встретит.
 Я сказал бы ей: «Пусть горит».
 Но желаю: «Пускай она светит!»

ТЕНИ В ПРОФИЛЬ
РОМАН О ЛЮБВИ И СВОБОДЕ

Восемнадцать лет назад в новогоднюю ночь я загадала написать роман.

Авантюра полная.

В то время я не сочиняла ни стихов, ни рассказов, ни романов. Вру. Сочиняла. Но не таких, которые можно было бы показать приличным людям.

Но какой-то литературный черт дернул меня загадать именно это, когда я поглощала бокал шампанского и доставала из волос конфетти. Не имея в голове ни сюжета, ни идеи, ни какой-либо надежды на то, что чудо случится, я шептала, пьяно картавя: «Роман, роман».

Случилось.

На это мне понадобилось долгих восемнадцать лет. Чем я занималась эти годы? В качестве организма женского

пола выполняла разные социально-бытовые функции. Важные и не очень. Училась, работала, любила, растила, строила бизнес и в перерывах мечтала.

Иногда писала. Пришла в литстудию «Зеленая Лампа». Однажды набралось на несколько сборников рассказов.

«Женщины как женщины» — первая книга, которая и привела меня к этому творческому безобразию. После выхода книги я отодвинула все привычные преграды ножкой в сторону — страх перед критиками, высокоморальные принципы, христианский стыд и патриархальные сомнения.

Теперь только то и делаю, что пишу. Иногда получается.

И вот сейчас я держу в руках свой ро-

ман. Вру. Ну вот опять вру. В руках я держу телефон, в котором пишу эту скромно-тщеславную заметку, а передо мной на столе книга.

«Тени в профиль» — роман о свободе от общественных стереотипов, о любви, о смертной казе за любовь. И обо мне. Когда я услышала эту историю, а она основана на реальных событиях и происходила в Саудовской Аравии, решила записать. И с каждой новой страницей проводила ревизию собственной жизни. Насколько я свободна? Все ли я делала, руководствуясь собственными желаниями? Или чаще — общественными ожиданиями? И что делать со всеми стереотипами, которые я лелеяла в своей жизни, а теперь отвергаю и желаю изничтожить?

Вот как не верить в новогодние желания?! Они же сбываются. Пусть даже через столько лет. Надо просто верить и делать. И пить иногда шампанское. ♦

Елена Андрейчикова
 Фото: Юлия Вебер

ВЫСТАВКИ

МОЦАРТ ОТ ГРАФИКИ

В Одессе, в Музее западного и восточного искусства, открылась выставка живописи и графики Григория Палатникова. Событие с нетерпением ожидали.

Автор представил серию иллюстраций к романам Ильфа и Петрова «12 стульев» и «Золотой теленок», повести Козачинского «Зеленый фургон» и к своей собственной книге — «Мой амаркорд». Ряд живописных и графических работ разных лет разместились в трех залах музея. Мы встречали преподавателей Грековки (художественное училище им. Грекова) — Игоря Варешкина, Сергея Папроцкого, Юрия Зильберберга, которые в окружении своих студентов рассказывали о творчестве Палатникова, о секретах его мастерства.

— Палатников художник высочайшего класса, график от Бога, — подчеркнул, открывая выставку, сотрудник МЗВИ, художник Сергей Ильин, — Его работы ценят коллекционеры всего мира.

Выпускник легендарной питерской Мухинки, Палатников считает себя в графике последователем школы выдающегося Владимира Лебедева. Творчество его в свое время оказало на Григория колоссальное влияние — шоком и эстетическим ударом называет Григорий Аркадьевич первое, ярчайшее впечатление, которое произвели на него работы Лебедева.

— У меня все подсмотрено. Это — моя цепкая память, все запоминается автоматически. В первую очередь — живое жизненное впечатление, — говорит о своем творчестве Г. Палатников.

...Возле одной из работ с улыбкой останавливаются и селфятся зрители. На картине стройная девушка в коротком летнем платье несет в руках огромную камбалу. В другой руке у хозяйки вязка рыбок поменьше. Почти букетик цветов, если не всмотреться в них тщательней.

— Когда мы возвращались с мамой с «Привоза», — вспоминает Григорий Аркадьевич, она несла домой камбалу, а я шел и мои глаза были напротив рыбок. И я заглядывал в глаза камбалы!

Работы выставки содержат магическую пластичность образов. Объем и форма, заданные мастером — итог работы черной тушью над белым бумажным листом. Дви-

жение, запечатленное в сотнях человеческих фигур, действие, заданное художником, насыщенность и бледность цветовых пятен, резкость и четкость графических решений, ирония автора, мягкая и гуманная — вот что формирует такой легкий и непринужденный, и в то же время — сложный и эмоциональный микрокосм Григория Палатникова.

На открытии звучали метафоры, столь же объемные, как сами работы художника: «его техника — соединение классической манеры древнего Китая и евро-

пейской классики»; «как демиург — из кляксы он создает сложный образ», «Мозарт и Вивальди от графики».

Все это — Григорий Палатников, большой Мастер, очаровательнейший, искренний человек.

Друзья и коллеги назвали выставку «Большим праздником большого искусства». ♦

Екатерина Пименова,
 арт-обозреватель
 Фото: Сергей Волков

